Александр БОБРОВ,

НАРОДНЫЙ АРТИСТ

ПРИ УПОМИНАНИИ этого имени я обращаюсь в мыслях к одному из вечеров семнадцатилетней давности. В клубе Кемеровского коксохимического завода областной театр оперетты давал спектакль «У голубого Дуная». Театр был молод, большой репутации он еще не завоевал, и те, кто видывал оперетту Москвы или, скажем, Свердловска, шли на его постановки не очень охотно. Но уже знали, что в труппу вступило несколько новых сильных актеров, кое о ком из них уже заговорили.

И вот спектакль «У голубого Дуная». По ходу действия появляется в нем американский офицер, персонаж, задуманный не ахти как сложно. Подобные фигуры уже мелькали в кинофильмах, в драме, в сатирических изданиях. Казалось, трудно ожидать крупного впечатления от этого образа, тем паче, что исполнителем роли был новый артист и имя его — Александр Бобров — пока ничего нам не говорило.

Но почему же внимание зрителей все сильнее приковывает к себе именно этот образ? Почему так искренне неистовы зрители? Почему не в силах сдерживать своих эмоций? Понять причину было нетрудно: она заключалась в несомненной одаренности артиста. Играя роль врага нашей Родины, он не пожалел сатирических красок, чтобы раскрыть его сущность. Отточенные жесты, остро характерные танцевальные номера, богатая мимика... Зал бурно аплодировал исполнителю.

Так впервые пришлось мне увидеть искусство актера Александра Константиновича Боброва. С тех пор жизнь его связана с театром оперетты Кузбасса. Вместе со старшими товарищами, со сверстниками, со способной и растущей молодежью — с такими влюбленными в дело тружениками сцены, как А. Адрианов, Н. Коносевич, Е. Лугов, А. Анашкин, Н. Грюнберг-Цагина, К. Ливанов, А. Смагина, Б. Пеньков, Л. Фролова, и многими другими — Александр Бобров шел от спектакля к спектаклю, создавая театру известность, авторитет, вышедшие ныне далеко за границы области.

Последний год для А. К. Боброва является этапным во многих отношениях, знаменует пору его высокой зрелости, общественной и сценической. Он создал новые замечательные образы, обогатившие и без того обширный его репертуар. Коммунист Бобров избран в состав обкома партии. В марте 1965 года страна увенчала его, первого из театральных работников Кемеровской области, почетным званием народного артиста РСФСР.

☆ ☆ ☆

А как он жил, как сделал первые шаги в театре, в каких условиях развивалось его дарование?

...Одно из первых впечатлений, уцелевших в мальчишечьей памяти Саши Боброва, — единственная встреча с отцом, Константином Петровичем. Шла гражданская война. Отец вступил в Пензу, где жила семья, в рядах красноармейской части, запыленный и усталый. Побыл немного дома, в первый и последний раз услышал лепет маленького сынишки, а потом снова в путь. Снова на фронт, где вскоре отыскала его белогвардейская пуля... Игрушки для сына не нашлось, и оставил он ему невесть откуда взятую и положенную в солдатский мешок добротную рабочую кирку. Словно хотел сказать: «Много тебе, сынок, доведется потрудиться, чтобы стать человеком»...

А мать Саши, Варвара Петровна, служила артисткой опереточного хора. Бедновата, более чем скромна была жизнь провинциальной хористки. Уложив свой нехитрый скарб, она и пришедший в семью отчим, тоже хорист, скитались вместе с труппой из Пензы в Симбирск, из Симбирска в Самару, из Вятки в Казань, из Казани в Кзыл-Орду... А подраставший понемногу мальчонка широко открытыми глазами смотрел с телеги или из окна вагона, как мелькали перед ним бескрайние равнины, оставались позади бесчисленные города и веси.

Сашу иногда брали в театр, он бегал за кулисами, разглядывал диковинные костюмы артистов, хохотал над ужимками комиков. В память понемногу стала проникать богатая красивыми мелодиями музыка из спектаклей, он тихонько напевал то, что запомнил, не зная, что мама, волнуясь, следила за каждым малейшим проявлением его художественных способностей. Очень любил Саша смотреть через щелку в декорациях, как выходили на сцену Варвара Петровна и отчим, чаще всего нарядные, красивые. Вне театра все было куда проще и беднее. Семья нуждалась. Жизнь налаживалась медленно, а в голодный 1921 год на Волге люди и вовсе ходили, как живые тени.

Подошли школьные годы, но странствия продолжались. Учиться пришлось в разных городах. А в 14 лет пришла пора становиться на самостоятельные ноги. Поселили Сашу в Пензе, у тетки, работницы велосипедного завода, и устроили в ФЗУ. Через два года выпустили его токарем по металлу.

Тепло вспоминает об этом Александр Константинович:

— Хорошее чувство — быть частицей большого заводского коллектива. Выхожу по утрам на шоссе: идут взрослые, работящие люди, и я, пацан, тоже иду. Теперь и я пролетарий!..

Глаз у него оказался точный, не обделила его природа и хваткой. В 18 лет имел пятый разряд и стал немного помогать родителям. Жить в молодежной рабочей среде было интересно. Заканчивалась первая пятилетка. Кипели споры на комсомольских собраниях, бурлило социалистическое соревнование, затевались то лыжные походы, то самодеятельные концерты. А там — и первые вечеринки, первые заинтересованные девичьи взгляды...

— Рос я хоть и сухоньким, но крепким, — говорит А. К. Бобров. — Лыжня зимой, река летом были родной стихией. Пока ходил в токарях, окреп еще заметнее. Зато вот с танцами что-то долго не ладилось. Робел, стеснялся, чувствовал себя каким-то деревянным, неуклюжим. Но приятели уговорили попробовать. Сделал одну попытку, другую — и словно прорвало меня: хоть хлебом не корми, а пусти в круг! Но совсем не думал я, какой неожиданный оборот это примет.

...Он рассказывал мне это, стоя на Притомской набережной в Кемерове и глядя на ледоход. Долго молчал, наблюдая, как неудержимо и важно проплывают мимо огромные льдины, потом закурил и продолжал:

— Как раз в такое же точно время, когда вскрылась речка, вышел я однажды на берег, и стало что-то не по себе. Уехать захотелось из Пензы на новое место. И за какую-нибудь минуту решил: отправлюсь к родителям (они в это время работали в Самаре). В тягость им не буду, поступлю на завод, а заодно — и на рабфак. Но в театр похожу — это уж непременно!

И уехал. Только не довелось задержаться в Самаре. Театр оперетты перекочевал в Ашхабад, а оттуда — в Оренбург. Родители по мне соскучились, взяли с собой, уговорили директора принять меня курьером... И здесь-то случилось непредвиденное. Оказывается, балетмейстер (звали его Михаил Николаевич Гердт) с первого дня внимательно приглядывался ко мне. А в Оренбурге подходит как-то в театре, берет под руку и об'является:

— Вот что, Александр: довольно таскать пакеты, поступай-ка в балет!

Я смутился, а сердчишко забилось. И забилось — не скрою — радостно! Видимо, еще с детства накрепко «ушиблен» был театром...

ДА, ТЕПЕРЬ можно сказать с полной определенностью: низкий поклон тому, кто первый взял его за руку и чуть не силком затащил на сцену! Балетмейстер Гердт понимал, конечно, сколько надо терпения, чтобы отесать робкого паренька. Но профессиональным взглядом, чутьем мастера он уловил в Саше Боброве природную легкость танцора, соединенную с обаянием.

КУЗБАСС
г. КЕМЕРОВО
23 ЯНВ 196